

(Бог) и Кириос (Господь). По утверждению же других, это произошло в более поздних копиях Септуагинты. В конце IV – начале V в. н. э. Иероним сделал перевод Библии на латинский язык, известный под названием “Вульгата”, который получил широкое распространение в католической церкви. В этом переводе тетраграмма YHWH заменяется словом *Dominus* (Господь). Этой традиции следуют во многих других последующих переводах, в том числе и русском, то есть заменяют тетраграмму словом *Господь* или *Бог*. Такова краткая история употребления тетраграммы YHWH в библейских текстах.

Из истории употребления тетраграммы видно, что звучала и писалась она в разные времена и у разных народов по-разному. Как же произносили ее и писали древние евреи? Если особенности написания тетраграммы можно проследить по сохранившимся древнееврейским рукописям, то воспроизвести в точности ее произношение сложно. Это связано как с особенностями письменной формы древнееврейского языка, так и самой его историей.

Древнееврейским принято называть язык, на котором написан “Ветхий Завет” христианской Библии. Наряду с термином *древнееврейский язык* употребляется термин *библейский иврит*. Почти единственным памятником этого языка является еврейская Библия, то есть “Ветхий Завет” христианской Библии, написанный древнееврейским языком. Создание текстов, входящих в “Ветхий Завет”, относят к 1200 – 200 гг. до н. э., хотя это и не единственная точка зрения, бытующая в современной библеистике. За столетия, в течение которых создавался “Ветхий Завет”, разговорный язык претерпел сильные изменения. Однако ветхозаветные тексты практически не отражают этих изменений или отражают их незначительно, поскольку перед нами письменный памятник, воспринимавшийся последующими поколениями в качестве незыблемой литературной нормы...

Начиная с VI в. до н. э. древнееврейский язык испытал сильное влияние других языков – прежде всего арамейского. Из него было заимствовано так называемое арамейское квадратное письмо, которое пришло на смену древнееврейскому письму. До конца I в. н. э. разные рукописи Библии сильно отличались друг от друга. С конца I в. н. э. стали пользоваться списками Библии, почти тождественными друг другу – по крайней мере в том, что касается написания согласных. Еврейский язык начала нашей эры уже значительно отличается от библейского иврита. После рассеяния евреев по всему миру в разных еврейских общинах сложились непохожие друг на друга традиции чтения библейских текстов. Различия эти касались прежде всего произношения гласных звуков. Как известно, особенность древнееврейского письма состояла в том, что гласные на письме не обозначались или обозначались непоследовательно и неоднозначно. Гласные, в основном, примысливались при чтении. Поэтому навык правильного чтения ветхозаветных текстов из поколения в поколение передавался изустно. Когда в XVI веке в Европе пробудился интерес к древнееврейскому языку, то ученым пришлось столкнуться с проблемой выбора из разных традиций

чтения и письма – сефардской (восточноиспанской), ашкеназской (немецко-польской), марокканской, итальянской. Выбор европейских ученых пал на сефардскую традицию. Основанное на ней произношение древнееврейских звуков стало общепринятым в преподавании иврита в европейских университетах...

Рассмотрим формальные особенности тетраграммы YHWH с точки зрения сефардской традиции¹. Как известно, древнееврейский алфавит состоял из 22 букв, обозначавших согласные звуки. Направление письма осуществлялось справа налево. Начертание букв тетраграммы квадратным письмом и их современное произношение следующие:

Начертание	Название буквы	Транслитерация		Современное произношение
		латинская	русская	
י	йод	y	й	й
ח	хе	h	х	как англ. h
ו	вав	w	в	в

Согласный *w* был близок к гласному *u* (рус. у) и в определенных условиях мог чередоваться с ним. Еще в дописьменную эпоху сложился обычай отмечать некоторые гласные с помощью букв י – йод и ו – вав, а на конце слова – также с помощью ח – хе. Эти буквы получили у средневековых евреев название «матери чтения»; по-латыни – *matres lectionis* (в ед. числе – *mater lectionis*). Буква י - йод используется как *mater lectionis* только для гласных переднего ряда (рус. графика) *и, э*, буква ו - вав – только для гласных заднего ряда *у, о*. И последняя буква ח - хе используется как *матерь чтения* только для гласных *э, а, о* и только на конце слова.

Как узнать, выполняют ли в каждом конкретном случае отмеченные буквы функции *matres lectionis* или они обозначают согласный *й, в* или *х*? Для каждой буквы существует свое правило:

- 1) если буква ח - хе на конце слова обозначала согласный *h*, то внутри помещалась точка ח, так называемый маппик;
- 2) если буква ו - вав употреблена в значении *матери чтения*, то предшествующая буква не может иметь при себе никакого другого значка для гласного;
- 3) буква י - йод всегда представляет собой *mater lectionis*, за исключением лишь тех случаев, когда эта буква имеет дагеш, то есть особый значок.

Какие могут быть варианты чтения тетраграммы YHWH в сефардской традиции, если в тексте тетраграмма встречается без дагешов? Такое написание тетраграммы встречается, например, на многих храмах Европы. В

¹ Правила чтения и письма даются по учебнику Т. О. Ламбина «Учебник древнееврейского языка». М., 2000.

этом случае, если нет никаких дополнительных значков, буквы ך - йод, ן - вав, ה- хе выполняют функцию *матери чтения*. Тогда возникают следующие варианты произношения тетраграммы: буква ך - йод дает сочетания *Ии, Ие*; следующая за ней буква ה - хе звучит как х; буква ן - вав дает варианты *ву, во*; конечное хе может читаться как сочетание *хе, ха* или *хо*. Уже только эти комбинации дают значительное количество вариантов прочтения тетраграммы: *Иихвухе, Иехвухе, Иихвохе, Иехвохе, Иихвуха, Иехвуха, Иихвоха, Иехвоха, Иихвухо, Иехвухо, Иихвохо, Иехвохо*. Если учесть, что согласные могли быть с дагешами, то количество вариантов увеличивается. А если иметь в виду возможные чередования согласных и гласных и некоторые другие фонетические процессы, то число вариантов возрастает еще значительно. При этом следует помнить, что разные традиции могли давать и разные варианты прочтения тетраграммы.

Так как все-таки правильно произносится тетраграмма YHWH? Вероятно, никто не знает точно, как произносили ее в начале, употребляя как имя Бога. Это могло быть не известно даже всем иудеям, жившим в пору создания письменного варианта “Ветхого Завета” на древнееврейском языке. Как отмечалось выше, разные рукописи могли иметь свои особенности, а их унификация произошла только в конце 1 в. н. э. Многие источники утверждают, что имя Бога (тетраграмма) в своем подлинном звучании произносилась всего один раз в году – в День очищения, первосвященником. Тайна его звучания передавалась устно по старшей линии первосвященнического рода. Формы *Яхве (Ягве), Иегова* были предложены современными учеными, которые пытаются установить первоначальное звучание тетраграммы. Одни полагают, что иудеи до Иисуса, вероятно, произносили тетраграмму как *Яхве (Ягве)*. Другие предпочитают произношение *Иегова*. Важность этого вопроса для религиозного сознания заключается в том, что имя Бога имеет сакральную силу только при правильном его звучании.

Во многих раввинских сочинениях тетраграмма YHWH имеет значение “имя”, “четырёхбуквенное имя”, “особенное имя”, то есть рассматривается как код, которым зашифровано личное имя Бога. Но как подчеркивал доктор У. Лоури, “человек, который не знает Бога по имени, по сути, не знает его как личность, не разговаривает с ним (что подразумевает под собой молитва), и не может любить его, если знает его только как безличную силу”...

Тайна личного имени Творца-Вседержителя характерна и для исламской традиции. Некоторые мусульманские богословы насчитывают более тысячи имен божьих, но большинство – 99, утверждая, что сотое имя – неизвестное, искомое, которое знали лишь немногие из избранных Аллаха, например, пророки Сулейман и Иса ибн Марьям (Иисус Христос). Силой сотого имени они смогли совершить немало чудес...

Неизвестное христианству и исламу личное имя единого Бога, Абсолюта и является тем искомым именем, которое можно получить только в результате откровения.

Рассмотрим основные онтологические свойства личного имени Бога-Отца, которым в “Новом Завете” придается большое значение. В “Новом Завете” личное имя Творца выступает одной из главных категорий бытия. Существеннейшим онтологическим признаком, свойством личного имени библейского Бога-Творца выступает его творящий, созидательный характер, который в семантике воплощается в архисеме “творение, созидание”. В Евангелии от Иоанна находим: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть” (Ин. 1, 1-3). Именно в этом первичном Слове, по утверждению Иоанна, «была жизнь», и именно оно «стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14). Таким Словом может быть только имя Творца, равное ему, и которое он положил в основу всего. Научный смысл этих библейских положений раскрыт нами во многих работах, поэтому на интерпретации созидательной, творящей функции личного имени Творца-Вседержителя мы не будем подробно останавливаться. Отметим только, что продемонстрированный нами подход к имени как субстанциональной сущности имеет сильную философскую традицию. Назовем здесь только имена таких русских философов, как С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский и другие. Они распространяют субстанциональную силу Божьего имени на любые имена. П. А. Флоренский считал, что “имя вещи есть субстанция вещи”, что “вещь творится именем”, и, таким образом, имя выступает в качестве метафизического принципа бытия.

По А. Ф. Лосеву, именование – фундаментальный онтологический процесс, внутренний стержень бытия. “Сущность есть имя, – подчеркивает А. Ф. Лосев, – и в этом главная опора для всего, что случится потом с нею”... Но если сущность есть имя, слово, развивает мысль А. Ф. Лосев, “то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности”... Для Лосева становление мира, космоса предполагает в своем начале самозименование Первосущности, Абсолютной Личности, ее проявление в инобытии через имя. Только такое, “мифически-магическое имя, есть полное пребывание сущности в ином, и только такое слово есть вершина всех прочих слов”... Как уже отмечалось, А. Ф. Лосев фактически подходит к пониманию того, что первичное имя, имя Абсолютной Личности – это разгадка всех тайн бытия.

Еще одним онтологическим свойством личного имени библейского Творца является его энергетический характер, причем энергия как Слова-Первосущности, так и энергия Бога выступают в Библии в виде света, нематериального сияния. Когда Иоанн говорит о Слове, которое было в начале, он добавляет: “В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ин. 1, 4-5). Иногда природа Бога буквально соотносится со светом: “И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы” (Первое

послание святого апостола Иоанна Богослова 1, 5). Известное преображение Христа на горе Фавор связано с тем, что “просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет” (Мф. 17, 2). Почти так же выглядит и ангел, который отвалил камень от двери гроба Христа: “вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег” (Мф. 28, 3). После воскресения Иисуса Христа божественный свет не раз являлся апостолам. Например, когда Павел отправился в Дамаск и уже приблизился к нему, “внезапно осиял его свет с неба” (Деян. 9, 3). Г. Палама (1296 – 1359) и его последователи учили, что Свет Фаворский, воссиявший на горе Фавор во время преображения Христа, есть энергия Бога, неотделимая от него, но отличная от самой сущности Бога. Как уже отмечалось, паламиты, а вслед за ними и имяславцы, утверждали, что имя Бога имеет божественную природу и что Бог неотделимо присутствует в своем имени. Имя Божие, считали они, должно быть прилагательно не только к сущности Божьей, но и к ее энергиям. Поэтому имяславие является обязательным условием молитвы: именование Бога есть призывание его духовных энергий. А.Ф. Лосев так формулировал религиозно-философские тезисы имяславия: “Энергия сущности Божией неотделима от самого Бога и есть сам Бог... Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам – не имя”...

Не случайно Христос после своего воскресения заповедал ученикам: “научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа” (Мф. 28, 19). Вполне вероятно, что известный зачин молитвы из “Нагорной проповеди” Христа “Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое” в момент создания “Нового Завета” звучал несколько по-иному, а впоследствии был искажен переводчиками. Более адекватным природе и сущности имени Божьего кажется употребление здесь глагола *светится*, а не *святится*: *да светится имя Твое*, то есть излучает свет, а не становится святым. И хотя Синод в 1913 г. запретил имяславие, теологическая сторона вопроса считается в православии до этого времени до конца не выясненной.

Мысль об энергетической природе личного имени Творца и его световом характере оказалась плодотворной для получения геометрического образа мироздания. Она дала возможность понять механизм возникновения и объединения четырех фундаментальных сил – сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного взаимодействий, что показано в монографии выше. Собственно говоря, второе онтологическое свойство личного имени Творца логически вытекает из первого: если имя носит творящий, созидательный характер, то оно должно обладать энергией, ибо никакое творение, созидание не может осуществляться без использования определенной энергии.

Еще одно онтологическое свойство личного имени Творца-Вседержителя, вытекающее из текстов “Нового Завета”, заключается в том, что имя и его носитель обладают разрушительной силой. В “Откровении святого Иоанна Богослова”, глава 19, стих 11 и далее, находим: “И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и

Истинный, который праведно судит и воинствует... Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обогренную кровью. Имя Ему: “Слово Божие”. И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; он топчет точило вина ярости и гнева Бога-Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: “Царь царей и Господь господствующих”. Комментируя этот отрывок необходимо отметить три момента. Во-первых, здесь сохраняется тайна имени праведно судящего и воинствующего. Во-вторых, в словах “Имя Ему: “Слово Божие” прослеживается тесная связь этого имени со Словом, которое лежит в начале, так как авторство этих двух текстов принадлежит одному человеку: Иоанну Богослову. Другими словами, тут как бы содержится указание на то, что Слово, лежащее в начале, является именем Божиим. И, в-третьих, иносказательным именем “Царь царей и Господь господствующих” Иоанн Богослов, бесспорно, указывает на то, что Всадник на белом коне – это сам Творец-Вседержитель. Меч острый, исходящий из его уст, – это метафора, из которой вырастает образ все того же Слова.

И, наконец, еще одно онтологическое свойство новозаветного личного имени Бога-Отца заключается в его спасительном характере. В апокалипсическом катаклизме уцелеть можно лишь с помощью этого имени. В “Послании к римлянам” утверждается: “Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется” (Рим. 10, 13). Но как призывать того, чье имя неизвестно? На чудодейственную силу имени Божьего, которой могут пользоваться люди в земной жизни, указывает Христос в своей “Нагорной проповеди”: “...не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?” (Мф. 7, 22). Сама миссия Иисуса Христа связана с тем, что он пришел на Землю во имя Отца Своего: “Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете” (Ин. 5, 43). Иногда эти слова Христа толкуют в том смысле, что он хотел открыть людям имя Отца, однако увидел, что люди не готовы принять его, и поэтому не стал этого делать.

Интерпретация текстов “Нового Завета” позволяет говорить о том, что личное имя Творца-Вседержителя носит созидающий, энергетический, разрушительный и спасительный характер. Если учесть плачевное состояние нынешней цивилизации, ее неспособность выйти самостоятельно из тупикового пути развития, то предлагаемое Священными текстами обращение к личному имени Творца-Вседержителя как энергетическому источнику звучит более чем актуально.

Таким образом, своим возникновением и развитием Вселенная и все живое в ней обязаны Творцу, онтологическим свойствам его имени и его трансцендентной энергии – духу. Эта извечная духовность человека, определенные законы развития духа не могут в той или иной степени не

проявляться затем в структуре личности, а также слова и языка. К одному из таких законов развития духа следует отнести нравственность.

(Гируцкий А.А. Структура слова. Минск, 2005. С. 205-220.)

ТЕКСТ 4. Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. ЛЕКЦИИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЛЕКЦИЯ 6. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Методологическое единство сравнительного языкознания и методы смежных наук в языковедческих исследованиях

Методологическое единство сравнительного языкознания основано на сравнении фактов разных языков между собой. При этом различие в методах объясняется различием целей и оснований сравнения...

Сравнительно-исторический и типологический методы представляют собой развитие одной из сторон сопоставительного метода. Так, основание сравнения в типологии, язык-эталон, прямо наследует категории универсальной грамматики и детализирует и обосновывает их категориями языковой формы.

По основанию сравнения можно видеть, что в типологическом и сравнительно-историческом языкознании база сравнения расширяется: в типологическом методе – до охвата всех языков, а в сравнительно-историческом – только родственных. Вместе с расширением базы сравнения сужается предмет сравнения. В типологии сравниваются только принципы устройства языковой формы для выражения смысла. В сравнительно-историческом языкознании сравнение затрагивает и конкретные единицы языка. В сопоставительном языкознании сопоставляются, как правило, единицы языка. Что касается цели сравнения, то сопоставительное языкознание рассматривает реальную культурную соотнесенность языков. Типология интересуется возможными способами организации материала речи для выражения мысли, а сравнительно-историческое языкознание выясняет историческую культурную преемственность языков.

Соответственно результаты сравнения показывают разные категории причин, управляющих строем языка. Сопоставительное языкознание не может дать представления об эволюции языкового строя. Поэтому выясняемые с его помощью закономерности касаются структурных характеристик системы языка при их влиянии друг на друга в условиях языковых контактов. Типологическое языкознание изучает структурные закономерности возможных связей звука и смысла в языковой форме. Оно может «подсказывать» общие пути эволюции языковой формы и описывать эти закономерности как общий принцип эволюции строя любого языка. Сравнительно-историческое языкознание занято главным образом

выяснением эволюции единиц языка и отсюда – эволюционным описанием всех языковых единиц.

Все методы, входящие в сравнительное языкознание, основаны на принципиальных положениях закона дистрибуции, поярусном и поплановом представлении системы языка. Они представляют собой дальнейшее развитие этих принципов. Поэтому правильно проведенный сравнительный анализ всегда дает синхронное описание отдельной языковой системы. Сопоставительное языкознание описывает культурные контакты этой системы, типологическое языкознание указывает на особенности языковой формы, а сравнительно-историческое языкознание уясняет историю системы языка в целом и ее элементов.

Сравнительное языкознание, таким образом, не только решает проблемы фундаментальной теории языка, но всегда ориентировано на практическое приложение этой теории к синхронному описанию языка. Противопоставление синхронии и диахронии в области лингвистического метода представляет собой противопоставление по степени и характеру глубины описания языковых явлений. Синхроническое описание языка может быть по-разному снабжено диахроническими аргументами. Степень разработанности диахронической аргументации (сопоставительной, типологической, сравнительно-исторической) в синхроническом описании языка означает степень исследованности строя этого языка. В свою очередь, диахроническое описание языка основано на наличии большего или меньшего числа синхронических описаний или меньшей диахронической проработанности. Синхрония и диахрония – ведущие методологические принципы анализа языка.

Соотношение синхронии и диахронии есть методологическое отражение фундаментального свойства языка – динамики. Динамика языка – проявление историчности его существования как одного из общественных институтов. Рассмотрение динамики языка путем внутренних и внешних по отношению к данному языку сравнений, т. е. применение всех методов языкознания в их совокупности, но с разными задачами и к разному материалу, образует определенную совокупность фундаментальных и прикладных дисциплин внутри языкознания, таких, как философия языка, история языка, лингводидактика и др.

Разрабатывая на основе лингвистических методов различные дисциплины, языкознание может применять для решения своих задач частные методики из других наук. Языкознание заимствует частные методики у математики, различных естественных и гуманитарных наук.

Наиболее “старой” областью, в которой может быть использована математика, является анализ текста. Приемы математической статистики были заимствованы для решения задач стилистики и установления авторства в XVIII в. Принцип применения аппарата статистики основан на установлении черт текста, характеризующих стиль произведения словесности, и обобщении результатов наблюдения этих черт методами

статистики с целью установить стилистическое сходство (и различие) групп текстов и отдельных текстов внутри групп.

Более широко привлекаются методы статистики в так называемом контент-анализе. Целью контент-анализа является установление сходства (и различия) содержания определенных групп текстов за пределами их детального филологического анализа и критики текстов. Из группы однородных произведений словесности делается методами статистики представительная выборка, определяются ее единицы (например, определенные слова, выражения, сюжеты, фигуры речи и т. п.). Когда единицы выборки, определенные и описанные методами филологии, обработаны статистически, удается получить примерное представление об основном содержании текстов без чтения самих текстов. К контент-анализу прибегают в том случае, когда надо быстро оценить содержание большого массива текстов, а возможностей для их прочтения нет и можно удовлетвориться приближенной оценкой содержания.

В лексикографии при статистическом обследовании встречаемости слов, морфем, грамматических форм, звуков и букв в текстах был намечен ряд статистических констант. Эти константы указывают на относительную замкнутость языковой системы на каждом ярусе языка. Константы, варьирующиеся в определенных пределах, указывают на частотные характеристики единиц языка на разных ярусах и на разные количественные соотношения между различными классами единиц одного и того же яруса, определяемыми по частоте встречаемости. Таковы: частота распределения гласных, согласных и полугласных звуков в разных языках; ранжирование букв по частоте встречаемости в словах разных частей речи в текстах вообще и в разных группах текстов; повторяемость лексики в одном и том же тексте и т. п. Эти исследования раскрывают количественные соотношения в реализации системы языка.

Было предложено также статистико-комбинаторное моделирование языковой системы по встречаемости ее элементов в тексте, т. е. выявление признаков системы на основании характеристик текстов. Эти исследования позволяют автоматизировать часть описания дифференциальных признаков языковых единиц и классов языковой системы и правил сочетаемости единиц.

Были предложены и другие способы применить аппарат статистики для исследования текстов и языковых систем, в частности в области типологии языков и сравнительно-исторического языкознания.

Отмечено довольно много попыток применить в языкознании математическую логику, теорию множеств, математическую комбинаторику и топологию. Однако эти попытки привели лишь к необходимости для лингвистов строить свои собственные системы исчисления и доказывать новые теоремы, которые представляют собой формальные системы, неизвестные в математике. Гуманитарные науки пока не могут опереться на какой-либо аппарат, детально разработанный в математике (кроме аппарата

статистики), который удовлетворял бы логике построения гуманитарных систем и логике гуманитарного доказательства. Надо надеяться, что в будущем развитие математики позволит более широко применять ее аппарат в гуманитарных исследованиях. В этом отношении внушает большие надежды использование прикладной математики в области программирования гуманитарных задач. Уже разработаны сотни программ для разных областей гуманитарных знаний, которые в целом могут послужить хорошим материалом для обобщений фундаментального характера.

Заимствование методик естественных наук начинается с эпохи великих географических открытий, когда в географию входят описания народов, населяющих разные страны, и языков, на которых говорят данные народы. Географические карты всегда включали демографические сведения, позволяющие судить о распространении языков. Затем картографирование стало инструментом обозначения языковых явлений (равно как и явлений текстов) в их территориальном распространении. Метод картографирования языковых явлений позволяет проследить характер распространения языков и диалектов, показать число людей, владеющих данными языками на определенной территории, и тем самым указать на языковые контакты и их интенсивность.

Метод картографирования в диалектологии позволяет не только уточнить распространение диалектов на определенной территории, но и выяснить области контактов между диалектами, а картографирование отдельных языковых явлений, объединяющих или разъединяющих диалекты, позволяет определить исторические тенденции в развитии диалектов и языковых явлений.

Другой сферой заимствования методик естественных наук является исследование физических характеристик звуков речи. Эти исследования начинаются с конца XVIII – начала XIX в., когда создаются акустические приборы, имитирующие тембр гласных звуков. Результатом этих исследований было приближение к пониманию различия в акустических качествах гласных как тембровых различий и разделение тональных и тембровых характеристик звуков. С начала XX в. появляются аппараты и приборы для изучения действия органов артикуляции в момент произнесения звуков речи, т. е. для исследования биомеханики произношения. Эти исследования позволили уточнить биомеханику артикуляции и тем самым создать инструмент проверки самонаблюдения при описании артикуляции звуков речи. С помощью фото-, кино- и рентгеновской техники были внесены дальнейшие уточнения в описание биомеханики артикуляции в процессе речи.

Развитие электроники позволило дополнить исследование акустических качеств звуков. Электроника создала систему слежения и записи характеристик звуков речи, динамики основного тона и обертонов. Электронные приборы позволяют осуществить автоматический анализ и

синтез языковых звучаний. С помощью этих средств можно не только идентифицировать отдельные звуки речи по их записи на пленку, т. е. получить такую автоматическую запись речи, что ее почти можно читать, не обращаясь к буквенной фиксации, но и идентифицировать людей по произношению, как по отпечаткам пальцев (разумеется, при накоплении достаточного материала). Кроме того, стало возможным усовершенствование современных радио- и телефонных каналов связи.

Успехи в исследовании акустики и биомеханики речи, достигнутые благодаря использованию приборов как средств наблюдения устной речи, подводят к необходимости исследовать психологию восприятия и понимания речи. Изучение звучания речи помогает уточнению ее материальных характеристик, но не влияет на исследования передачи смысла с помощью звуков, так как осмысление речи зависит от психологии человека и социального применения речи.

Оптика и исследования физиологии зрения пока не могут предоставить в распоряжение языковедов приборы, способные исследовать механизмы оптического восприятия в связи с биомеханической реализацией письменной речи. Надо надеяться, что такие приборы появятся.

Из наук, занимающих промежуточное положение между гуманитарными и естественными, необходимо назвать психологию, ряд методик которой заимствуется языковедением. Основным видом такого заимствования является психологический эксперимент. Суть психологического эксперимента состоит в том, что специально отобранным добровольцам – испытуемым предлагается решить какую-либо задачу или группу задач. Их решение фиксирует экспериментатор. Испытуемые подбираются по определенным признакам, каким, как возраст, пол, род занятий, степень образованности и т. д. Ответы испытуемых статистически обрабатываются, и затем выносятся суждения о способностях этих лиц. Составленные суждения экстраполируются на других людей, аналогичных испытуемым по определенным признакам.

Эта методика может быть использована для уяснения характера осознания языковых единиц, например звуков речи. Можно изучать идентифицируемость звуков человеком, оценки значений и созначений слов, роль грамматики для понимаемости текстов на данном языке и др. Характерной особенностью этой методики является ее принципиальная неспособность учесть исторические факторы в жизни языка и дать социальный анализ языковых явлений.

Из гуманитарных наук наиболее близка языковедению история. Эта близость прежде всего методологическая: обе науки изучают социальные явления и рассматривают их с исторической точки зрения. Поэтому возможно образование смежных историко-филологических дисциплин, занимающихся исследованием текстов историческими и филологическими методами одновременно. Эти дисциплины изучают исторические источники, поэтому они называются по родам таких источников: палеография,

дипломатика, нумизматика и сфрагистика. Языковедческая задача – прочтение этих источников, историческая – истолкование их содержания.

Языкознание широко пользуется данными разных исторических наук: гражданской истории, истории церкви, истории искусств, истории техники, истории науки. С помощью исторических наук – археологии, хронологии, метрологии и исторической географии – верифицируются значения многих слов, выражений. Данные этих наук позволяют судить о смысле слов и выражений, степени распространенности языковых явлений во времени и пространстве. Языкознание привлекает эти данные для анализа текстов, особенно со смысловой стороны. Поэтому языкознание пользуется данными истории через филологию, а филология вместе с историей составляют единый историко-филологический комплекс знаний.

(Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 203-211.)

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ